

Протоиерей ДМИТРИЙ ДУДКО о том, как не стать дезертиром в духовной брани, не быть теплохладным

Мир гибнет... без христианской любви, без христианского всепрощения оскудевает любовь в мире. Как говорится: отныне двое в доме и делятся. Из-за умножения беззакония у многих оскудела любовь. Брат восстает на брата, родители на детей и так далее. Потому что без христианского понимания не знаем, для чего родились на свет, что нам делать. Мы удовлетворяемся настоящим. И если оно вдруг покажется страшным, мы закрываем на всё глаза, и сами обманываемся, и других обманываем. Мы трясемся над благами земными, как бессмертный Кощей над своим золотом.

Но золото нас не спасет, как не спасло оно и Кощея, он погиб, перекидывая монеты из одного сундука в другой. А голодный мир взывал к его совести своим стоном, плачем, криком...

Гибель мира страшнее того, чем нам будут угрожать, когда мы с христианской любовью, с христианским пониманием, с этим горящим светильником пойдем в мир. А идти нужно. *Преступно, имея светильник христианской веры, ставить его не на подсвечник, а под сосуд. Нужно светить, потому что кругом темно и люди разбивают головы, не зная как и куда идти.*

Христос сказал: созижду Церковь Мою и врата адовы не одолеют её. Почему-

то это утверждение Христа поселяет в нас ложный оптимизм и прекращает нашу деятельность. Мол, Христос создал Церковь, врата адовы не одолеют её. Зачем же нам излишне суетиться? Все равно будет так, как сказал Христос. Так выждем лучших времен, пока всё само по себе утрясётся. Это ложное понимание. Словом «созижду» Христос призывает нас к созиданию, к деятельности, потому что Церковь — тело Христово, мы все вместе и каждый порознь — члены этого тела Христова, а раз так, то в слове «созижду» должна заключаться наша активность по созиданию. И если мы не создаем, то мы, во-первых, выпадаем из Тела Христова, как мертвые члены, и, во-вторых, нас одолевают врата адовы. Если мы бездействуем, оставляем пустой нашу душу, то приходят злые силы и поселяются в нас. И как говорится: ты думаешь, что ты жив, но ты мертв. Мы становимся мертвыми, теплохладными. Это самое губительное состояние. «О, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих», — сказано в Апокалипсисе. Христианин не случайно называется воином Христовым. А тот воин, который убегает с поля боя, не воинствен, боится борьбы, тот называется дезертиром. Мы сейчас, многие современные христиане, стали дезертирами, ещё и оправдываем себя, ссылаясь на слова Христовы. Он, мол, созидает, а нам можно и благодушествовать. Можно ли благодушествовать тогда, когда кругом всё гибнет? Все силы на созидание, все силы на то, чтоб врата адовы Церкви не одолели!

На нашей Русской земле тысяча лет христианства, в нашу плоть и кровь вошло христианство. На христианском основании создана наша история, наша культура, создана особая христианская нравственность, отличная от нравственности других религий. Нравственность наша особая тем, что во главу у нас поставлена человеческая личность. Не случайно наш Бог называется не просто Бог, а Богочеловек. Потому что Бог пришёл для того на землю, чтобы человек стал богом. Христос подымает человека на высоту божескую притом не просто человека такого вот и такого, а всякого человека. Для Христа дорог всякий человек. Потому что всякий человек создан по образу и подобию Божию. И кто бы он ни был, враг или друг, преступник или праведный, он дорог. Добрый пастырь оставляет девяносто девять праведников и ищет одного заблудившегося. Вот нравственная особенность христианства. И поэтому воинственность христианина не в том, чтобы истреблять своих врагов, как утверждают безбожники: если враг не сдаётся — его уничтожают, а воинственность христианина в том, чтобы — из

врага сделать друга, из преступника праведного.

Этого безбожники понять не могут и говорят, что христианство парализует деятельность, христианство, мол, пессимистично. Хотя нужно оговориться: *пессимистичное христианство они могут терпеть, и, наоборот, воинственное христианство они терпеть не могут.*

Помимо безбожия у нас начинает возрождаться язычество или, как выражаются по-научному, — неоязычество. Известно из истории: когда христианство входило в силу, появился Юлиан Отступник. Отступник бывает страшнее врага. И вот *современное неоязычество вбирает в себя нетерпимость безбожия и ярость отступничества.* Неоязычество пытается разделить нашу историю, культуру, нашу нравственность, ещё более углубить раскол в народе, произведенный безбожием. А мы, христиане, благодушествуем. Воин Христов ничем не должен себя связывать: ни семейными отношениями, ни приятельскими, он должен воевать за человека. Воевать не так, чтобы кого-то губить, а воевать так, чтобы всех спасти. Безбожие — это отвержение всех и всего. Безбожник, атеист имеет корень отрицания. Атеизм это значит: «а» — отрицание, «Теос» — Бог. Отрицают Бога, а Бог для нас — источник всякого добра и правды, источник любви. Отрицая Бога, безбожник всё отрицает. Что же остается? Пустота в жизни, пустота в душе. Можно ли на этом что-либо строить?

На пустоте, отрицании ничего не построишь.

Неоязычник к этому отрицанию добавляет ещё сатанизм. Но неоязычник хочет это завуалировать так, чтоб эту пустоту назвать, если так можно выразиться на современном языке, чем-то. Возродить на нашей земле сейчас язычество — это отбросить историю на тысячу лет назад. По-христиански же — связанного сатану выпустить на свободу. Неоязычник не называет себя безбожником, он считает себя верующим. Но, как известно: *и бесы веруют и трепещут. Неоязычники трепещут перед христианством, и трепет их называется ненавистью к христианству.* Иногда безбожники так не могут ненавидеть христианство, как язычники. Не случайно христиане языческих богов называли бесами. Но, помимо ненависти, у современных язычников, неоязычников — отступников есть хитрость провокаторства. Они провоцируют на русской истории, считают, что русская история может быть только языческой, и, мол, христианство — это иудаистская провокация, чтобы погубить Россию. Христианство для них — не спасение, а провокация

на Русской земле.

Христианство, выходит, окружено врагами: с одной стороны безбожники, с другой стороны — язычники. У народа вырвано всякое нормальное понимание, народ ничего не знает, и вот: каким языком заговорить, чтобы нас, христиан, понимал народ, понимали безбожники и понимали неоязычники. Два — три слова, но на понятном языке, как говорит апостол Павел. Мы, христиане, не спорим, даже не полемизируем, мы хотим, чтобы нас понимали. Как понимали апостола Петра, да и всех Апостолов. Смотрите, они говорят на понятном языке, восклицает народ. Читай Деяния Святых Апостолов, это было после сошествия Святого Духа на Апостолов.

Для этого не надо было знать иностранные языки, для этого не надо препираться с язычниками. Единственный язык, на котором мы должны говорить, это язык любви. Язык жизни. Говоря на этом языке, мы будем понятны для всех. Это язык пламени Духа Святого. *Нужно гореть любовью к людям, чтобы быть понимаемым ими.* Как заговорить с современным миром? Мир нас не понимает.

Эти, мол, люди, так выражаются они о нас, говорят на устарелом языке, и нам ничего непонятно. Непонятно их богослужение, непонятна их проповедь. Безбожники и хотели бы остановить христианство на этом, чтобы, оно было непонимаемо. В таком случае они могут быть благожелательны к христианству, музей с музейными старушками им выгоден. В таком случае и неоязычники могут терпеть нас, ведь терпят они русские иконы. Например, Андрея Рублева, ещё даже могут восторгаться ими. Из икон они хотят создать современных идолов. Но это не христианство, это язычниками возрождаемое идолопоклонство. К сожалению, и наши священнослужители смиряются с наименованием их служителями культа. Как будто они языческие жрецы. Смиряются и со словом «наемники». Нанялись на работу, работаем по найму у безбожников. Оттого и проповеди по названию христианские, а по содержанию антихристианские. Говорить на непонятном языке, засушенно, лишь бы отбыть повинность, это и есть антихристианское содержание. *При опасности не бить тревогу, а убаюкивать людей, создавать иллюзию безопасности, когда опасность на каждом шагу.* Самый страшный враг — внутри. Рядом с тобой идущий, он отталкивает тех, кто мог бы протянуть руку помощи.

Вот каким языком заговорить с современным миром! Чтобы мы понимаемы

были народом, безбожниками и неоязычниками! Понимаемы, как люди, озаботившиеся спасением всех и всего!... Мы сейчас не будем спорить ни с безбожниками, ни с язычниками. Мы только хотели бы по вопросу жизни найти со всеми общий язык. *Христиане говорят, делают и совершают поступки для того, чтобы была жизнь.* Безбожники и язычники — говорят: мы тоже во имя жизни. *Но разница в том, скажем мы, что вы во имя жизни временной, а мы во имя жизни вечной.*

Как у язычников, так и у безбожников много всяких мифов. И один из мифов, что мы, христиане, мешаем бороться за жизнь.

Как? — спросим мы у них. — Как мешаем бороться за жизнь? К тому, что христианское всепрощение парализует активность, они добавляют, что вы, мол, надеетесь на Бога, хотите, чтоб за вас делал Бог. И это вот их миф. Признавая Бога источником всего, в том числе и жизни, мы знаем, что Бог, сотворив нас, дал нам свободу и творческие силы. Поэтому *нам, христианам, как никому нужна активность, деятельность.* Борьба за жизнь!

Конечно, формы борьбы у нас с безбожниками и язычниками расходятся, но есть и сходство. Расхождения в том, что основной жизнью мы считаем жизнь в ином мире, за гробом, в Царстве Небесном, а они основную жизнь признают здесь и больше нигде. Сходство в том, что и мы, и они, все-таки, должны бороться за жизнь. И вот на этом мы должны остановиться. И прежде всего убедить их, что если мы считаем основную жизнь там, в ином мире, то *это не значит, что мы игнорируем эту, земную жизнь.* Мы очень дорожим этой жизнью, и считаем, что у нас этой жизни столько, чтобы каждая минута использована была по назначению. Вот и давайте бороться за жизнь. Как вы думаете бороться? Приобрести земные блага, истребить своих врагов? Блага нужны — это правда, но в благах таится и смерть, они, как говорится, нашему росту ни прибавят, ни убавят. Истребляя врагов, мы тем самым истребляем и себя. Ненависть к другому, прежде всего, опустошает нашу душу.

Давайте объективно посмотрим на мир. В материальных ли благах дело, от благ ли зависит наша жизнь? Зависит ли наша жизнь от того, что мы будем разжигать ненависть друг к другу? Это, если говорить о земной жизни. А если о жизни вечной, то блага и ненависть вредят нам. Но об этом не хотят и слушать. Нас упрекают, что мы отвлекаем людей от борьбы за жизнь. Загробная жизнь, говорят они, будет или нет, а вот, что нам нужно здесь

жить — это мы твердо знаем. Но даже и в таком случае, чтобы жить здесь — благ и ненависти для этого мало. Чтобы по-настоящему жить здесь, нужно, чтоб жизнь никогда не прекращалась, во всяком случае, нужно знать об этом. Вот у современных хулиганов появился девиз: лови момент, пользуйся благами, иначе утеряешь. И ловят минуту, хватаются за блага. Отсюда наслаждения, иссушающие нашу душу, разврат и пьянство, развал семьи. Это, что ли, жизнь? Но и это ещё не всё.

Умирал бы человек, как скотина — это было бы одно положение, а то у него появляется к тому же тоска, от которой не знают, что делать. Тоска бывает до того сильной, что жизнь становится в тягость.

И в какой-то момент перед каждым человеком встанет вопрос: неужели там ничего нет? А вдруг есть? Это когда мы ещё здоровы, думаем, что далеко смерть, что умирает кто-то, а не мы, а когда нам придётся умереть, мы замечемся. Более того, проклянем всё, что было, появится смертельная зависть — вот другие остаются жить, а нам приходится умирать. А если есть загробная, иная жизнь, вопросы решаются сами по себе.

Я к чему это веду? К тому, что *основная наша беда в том, что мы потеряли веру*. Потеряли веру в Бога, потеряли веру и в человека, потеряли веру и в жизнь. Живём как живется, стали прожигателями жизни. Пословица говорит: потеряв деньги, ты ничего не потерял; потеряв друга, человека, брата, ты потерял половину; потеряв веру, ты всё потерял. И это начинают понимать теперь многие.

Без веры трудно. И некоторые веру хотят найти в знаниях, науке, она, мол, всё восполнит. Но наука, как и всё остальное, бессильна, наука занимается своим делом, как говорится, изучает законы природы, и пусть себе изучает, а ответ на то, что такое жизнь, как нам жить, что будет потом? — она не даёт и не может дать. Потому что она ничего не знает об этом. На главные вопросы может дать ответ только религия, только вера в Бога. А вера в Бога зависит не от наших знаний, благ, ненависти, вера в Бога зависит от того, как мы живём.

Возьмите простой пример. Тот человек, который привык обманывать, ведь он убедил себя, что если не обманешь — не проживёшь. Но обман рано или поздно обманет и его. Но попробуй это ему доказать, он тебе не поверит.

Нам нужна теперь вера в Бога, нужна вера в загробную жизнь, иначе мы не поверим и друг другу, не поверим в жизнь, растрачивая её попусту, а ведь она дарована нам не для того, чтобы мы транжирили ее. Нужно дорожить земной жизнью, а чтоб дорожить жизнью, нужно, прежде всего, понять, что мешает нам дорожить жизнью, что разъединяет нас. Вот до какого-то времени у нас в Гребнево всё было благополучно, но с какого-то времени нас стали преследовать. Мы не хулиганы, не воруем, мы только верим в Бога, стремимся к жизни. А к нам врываются, избивают нас, и хотят выставить нас в таком свете, что мы желаем зла кому-то. Это клевета безбожников. Мы желаем всем добра, и каждому человеку, и своей стране. Безбожие разъединяет людей, посеваает вражду, мешает нормальной жизни.

Чтобы бороться за жизнь, нужно бороться с теми формами безбожия, которые у нас есть. Они не убеждение, а преступление. Не нужно закрывать глаза на действительность. Не лакировать её, как этого хотелось бы безбожию. Нужно смотреть прямо. Хулиганство, пьянство, распущенность — вот что мешает нам жить. Неверие, неуверенность — вот что парализует наши силы. И если безбожники хотят быть честными людьми, они должны попросить нашей помощи. Мы идём по одной земле, нам нужно находить общий язык со всеми, в любви наша сила. Эта истина стала теперь банальной, ею порой бросаются, как мячиком в игре, но она должна быть такой истиной, которая помогала бы нам жить.

*Известный пастырь, автор 30 книг, почил **28 июня 2004 г.***